

Коммуникативные компетенции: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст. Вып. 8 / Бел.гос.ун-т. – Мн.: РИВШ, 2007. – С. 79-85.

УДК 408.53:8-1

Н.В. Жданович

ОБРАЗНАЯ ПАРАДИГМА ДУШИ В ПОЭЗИИ I ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В поэзии множество образов, мотивов, сюжетов, однако на протяжении целого ряда столетий неизменными по частоте появления остаются так называемые «универсальные поэтические концепты» – *душа, жизнь, судьба*.

Ключевым для русской культуры является понятие *души*. Не случайно есть выражение *русская душа*, где *русская* – не логическое определение, а именно эпитет, который не ограничивает понятие (никто не говорил и не говорит о немецкой, английской, французской душе и т. п. [5, т. 1, с. 186]), а, наоборот, обогащает его, ассоциативно связывая с определенными ментальными особенностями носителей языка. Герой стихотворения Ап. Григорьева «Искусство и правда» – *Любим Торцов – Несчастный, пьяный, исхудалый, // Но с русской, чистой душой*.

Понятие души гораздо шире всех словарных дефиниций, поскольку его окружает целый ореол различного рода коннотаций – узусных, связанных с мифологией, культурой, и индивидуальных, опосредованных картиной мира отдельной личности.

Согласно традиционным, общепринятым представлениям, *душа* – это внутренний мир человека, его чувства, переживания, настроения [3, с. 179], [6, т. 3, стб. 1184-1190], [7, т. 1, с. 737-739]. В.И. Даль отмечает в этом понятии две основные смысловые линии: 1) *душа* – это бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею (душа и дух взаимосвязаны, однако Даль ставит дух выше души: дух – это «искра Божества», стремление к небесному) и 2) *душа* – это качества человека, внутренние чувства (ср.: *душа-человек* – ‘хороший’, ‘отзывчивый’), совесть (ср: *покривить душой* –

‘поступить против совести’, *взять на душу* – ‘на свою совесть’) [2, т. 1, с. 503-504].

Трудность однозначного толкования души объясняется неопределенностью ее субстанциональности: 1) душа – живое существо; 2) душа – вместилище эмоций; 3) это внутреннее «я»; 4) это ипостась личности. Кроме того, неизвестна и локализация души: по народным поверьям, она может находиться в ямочке на шее [2, т. 1, с. 505], за грудиной, а для поэтической речи традиционным является сближение души и сердца.

В христианской традиции с *душой* связывают все живое вообще, и в этом смысле даже растительный мир имеет свою душу. *Дыхание – дух – душа* – этимологическая близость слов рождает представление о том, что все, что дышит, имеет душу. В поэтической речи это представление воплощается в образах «одухотворенных» цветов, которые, подобно человеку или живому существу вообще, имеют телесную и внутреннюю оболочку, терпят боль и страдают, рождаются и умирают. У В.А. Жуковского целый ряд генитивных метафор и синэстетических эпитетов, построенных на параллели *цветок – живое существо: как от юных роз дыханья; в живом дыханье молодых цветов весны; душистое дыхание цветов.*

Традиционным поэтическим цветком выступает *роза*, образ которой мотивирован известными легендами о ее божественном происхождении, о том, что она является защитницей от сил зла. Согласно христианским поверьям, белые садовые розы ассоциируются с Девой Марией: они появились там, где Мария вывешивала пеленки Христа [4, т. 2, с. 142]. Отсюда поэтическая параллель *дева-роза* (и дева как роза, и роза как дева), а также соотносимый с этими дистрибутами эпитет *юная* (*юная дева – юная роза*), распространенный в поэзии сентиментализма и романтизма. Сближение денотатов, принадлежащих разным лексико-семантическим группам, происходит благодаря наличию инвариантных сем: ‘небесное создание’, ‘красота’, ‘свежесть’, ‘непорочность’, ‘радость’. Эта образная парадигма реализуется в стихотворении В.В. Бенедиктова «Смерть розы» и,

вербально поддерживаясь традиционными метафорами (*весна – расцвет, весна – молодость, дыхание цветов*) и соответствующими прямым номинациям определения, мотивирует появление необычного сочетания *ароматная душа: Рдей, царица дней прелестных! // Вешней радостью дыша, // Льется негой струй небесных // Из листков полутелесных // Ароматная душа*. Метонимия признака не меняет в данном случае ни семантику определения, ни семантику определяемого слова, однако благодаря ей происходит экспликация присутствующих в сознании носителей языка образных параллелей, которые связаны с основным денотатом (розой), а также актуализация признаков, которые входят в парадигму образа души (*душа – жидкость*).

Несмотря на присутствие различных представлений о том, кто или что имеет душу, неизменным остается одно: душа – это сущность человека, и бесконечное множество личностей (существовавших или существующих) порождает бесконечное множество ассоциаций, связанных с этим понятием. Многоликие образы души живут в художественном пространстве, а их вербализации способствуют эпитеты.

Словарь эпитетов русского литературного языка фиксирует 246 определений к слову *душа* [1, с. 130-133], 232 из которых являются общеязыковыми, а 14 относятся к индивидуально-авторским (6 %).

В поэтической речи первой половины XIX века круг определителей *души* значительно меньше. Часто эпитеты переходят из одного произведения в другое, а их постоянство обуславливается мировоззренческими особенностями автора. Так, у В.В. Капниста *душа* всегда *унылая*, у А.С. Пушкина – *пламенная, пылающая*, у М.Ю. Лермонтова – непременно *гордая, одинокая*, у Ф.Н. Глинки – *пламенная* и *кипучая*, у Е.А. Баратынского – *больная* и *усталая*, у Ап. Григорьева – *больная* и *гордая*. Такие ключевые определения создают художественную реальность, но в то же время приоткрывают нам мир ее создателя, поскольку поэзия – это история души ее автора.

Многие эпитеты выходят за пределы идиостилия и повторяются в произведениях разных поэтов. К числу «традиционных» определений души в поэзии первой половины XIX века можно отнести эпитеты *божественная, болезненная, больная, воспламененная, высокая, гордая, горячая, кипучая, мятежная, небесная, невинная, пламенная, пылающая, пылкая, унылая, усталая, усталая, хладная (холодная)*.

В языке существует образная парадигма души, и посредством эпитетов в поэтической речи первой половины XIX века эксплицируются следующие представления о душе:

душа – огонь: *горячая, кипящая, огненная, пламенная, пылкая;*

душа – свет: *светлая, ясная, яркая;*

душа – небесное: *ангельская, божественная, возвышенная, высокая, небесная, невинная, чистая;*

душа – сосуд: *пустая, опустелая, глубокая;*

душа – вещество, материал: *твердая, сухая, ржавая;*

душа – цветок: *цветущая, увядающая;*

душа – птица: *обескрыленная;*

душа – живое существо: *бодрая, больная, гордая, дерзкая, жадная, живая, измученная, робкая, слепая, усталая.*

В поэтической речи первой половины XIX века развиваются преимущественно три параллели: душа – огонь (как может не гореть душа у романтика?), душа – небесное, душа – живое существо: *Таков я. И того ль искали // Вы чистой, пламенной душой, // Когда с такою простотой, // С таким умом ко мне писали?* (Пушкин. Евгений Онегин); *Он обладал пылающей душой, // И бури юга отразились в ней* (Лермонтов. Измаил-Бей); *Так ненависти нет // В душе твоей небесной, Донна Анна?* (Пушкин. Каменный гость); *В душе больной от пищи многой, // В душе усталой пламень гас* (Баратынский. «Приятель строгий, ты не прав...»).

Чаще всего душа функционально уподобляется человеку и, подобно ему, может испытывать разнообразные чувства: страдать, любить, плакать,

смеяться, грустить, ненавидеть, обижаться. Душа может быть объектом манипуляций кого- или чего-либо (*израненная, измученная, изломанная, раздавленная, сжатая*), однако в поэзии первой половины XIX века душа чаще сама становится действующим лицом (душа = лирический герой: *бунтующая, влюбленная, любящая, озлобленная*).

Эти представления о душе развиваются в художественных текстах и мотивируют появление индивидуально-авторских определений, опосредованных закрепившимися в языке коннотациями за словом душа и субъективными ассоциациями поэтов: *ароматная* (Бенедиктов), *бессонная* (Баратынский), *вялая* (Жуковский), *гибкая* (Майков), *гладная* (Глинка), *глухая* (Жуковский), *зверонравная* (Жуковский), *наемная* (Батюшков), *перегорелая* (Бенедиктов), *пламенно свободная* (Пушкин), *послушная* (Пушкин), *преступно-заглохшая* (Григорьев), *привязчивая* (Лермонтов), *пустынная* (Лермонтов), *самодовольственная* (Глинка). Эпитеты эксплицируют образные параллели *душа-цветок, душа-огонь, душа-живое существо*, причем в рамках антропоморфного образа души прослеживаются соответствия *душа-зверь* (*зверонравная*), *душа-старуха* (*глухая, вялая*), *душа-преступница* (*наемная, преступно-заглохшая*).

Практически все авторские определения к данному дистрибуту потенциальны, поскольку они мотивированы языковыми метафорами или же контекстуально обусловлены, как, например, эпитет К.Н. Батюшкова *наемная душа*: *С наемною душой // Развратные счастливицы, // Придворные друзья // И бледны горделивицы, // Надутые князья* (Мои пенаты).

Самым оригинальным определением души в поэзии первой половины XIX века можно назвать эпитет Ап. Григорьева: *А ты не хотела, а ты не могла // Понять, что творилось со мною в тот миг, // Что если бы воля мне только была, // Упал бы с тоской я у ног твоих // И током бы слез, не бывалых давно, // Преступно-заглохшую душу омыл* («Опять, как бывало, бессонная ночь...»). Это определение мотивировано вертикальным контекстом, поскольку является результатом авторских вариаций образа

души, развивающегося и конкретизирующегося от одного стихотворения к другому.

В «Молитве» душа поэта – *заглохшая бездна* – мрачная, пустая, одинокая, отстраненная от внешнего мира, почти безжизненная, но только почти: на дне есть еще что-то живое. *О божже, о божже, хоть луч благодати твоей, // Хоть искрой любви освети мою душу больную; // Как в бездне заглохшей, на дне все волнуется в ней, // Остатки мучительных, жадных, палящих страстей...* В стихотворении «Опять, как бывало, бессонная ночь...» этот образ достигает максимального развития: душа-бездна лирического героя превращается в душу-преступницу – семантически значимый признак ‘отстраненность’ заменяется признаком ‘изоляция’ (бездна – пустота, преступница – тюрьма). Ассоциация душа-преступница мотивирована метафорой *мир – тюрьма*, которая вербально поддерживается в произведениях Ап. Григорьева (*Последние силы бунтуют, не зная покою, // И рвутся из мрака тюрьмы разрешиться в тебе*). Душа изолируется от внешнего мира, замыкается в себе, и наказание для нее – тоска, которая становится нестерпимой: *я безумно, я страшно, я смертно тоскую – я истерзан их страшной, их смертной тоскою*. Трагичность положения усиливается градацией: *тоскую → истерзан тоской; тоскую безумно → страшно → смертно; тоска страшная → смертная*. *Преступно-заглохшая душа* – это душа, лишенная возможности полноценной жизни и радостей бытия.

Анализ атрибутов души позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительное количество существующих и появляющихся эпитетов, она не обладает семантической определенностью, которая ограничивала бы ее синтагматику. Этим обусловлена частотность индивидуально-авторских определений к душе в поэтической речи, которые в той или иной мере дополняют сформировавшиеся в языке представления о ней субъективными коннотациями и расширяют образную парадигму души (*душа-зверь, душа-старуха, душа-преступница*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачевич, К.С., Хабло, Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка / К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло. – Л.: Наука, 1979.
2. Даль, В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Изд-во «Русский язык», 1997.
3. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: «Азъ», 1995. – 696 с.
4. Семантика языковых единиц: Доклады V Международ. конф.: В 2 т. / Моск. гос. откр. пед. ун-т; Отв. ред. Е.И. Диброва. – М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 1996. – Т. 2. – 328 с.
5. Семантика языковых единиц: Доклады VI Международ. конф.: В 2 т. / Моск. гос. откр. пед. ун-т; Отв. ред. Е.И. Диброва. – М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 1998. – Т. 1. – 378 с.; Т. 2. – 428 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
7. Словарь языка Пушкина: В 4 т. – М.-Л.: ГИС, 1956-1963.